

землеладельца. Изучив конкретные виды рент, автор монографии приходит к заключению, что рента являлась не просто символом феодальной собственности, но обладала реальным экономическим содержанием (с. 214—221). Не подлежит сомнению, что очерк, посвященный анализу рентных отношений, следует признать одним из наиболее ярких разделов исследования.

Содержание последних глав монографии отражает результаты изучения демографических процессов, происходивших в среде македонских крестьян. В центре внимания оказываются изменения численности и состава жителей сельских поселений, населения монастырских владений, миграция крестьян. Изучение коэффициента домашнего хозяйства — *household coefficient* (средних размеров семьи как результата отношения числа жителей хорюна к количеству крестьянских хозяйств) обнаруживает господствовавшую в первой половине XIV в. тенденцию к увеличению числа малых семей. Однако автор вопреки мнению других демографов считает, что эта тенденция не имеет решающего значения, поскольку постоянно происходило формирование новых больших семей (с. 227—228). Скругленные наблюдения изменений численности и состава жителей сел во владениях различных монастырей показывают, что в первую очередь, они обусловлены воздействием ряда социально-политических и экономических факторов (вторжением католонцев, гражданской войной 1320-х годов, прогрессирующим обеднением крестьянских масс) (с. 254). Отмеченные изменения рассматриваются также как последствия естественной смертности и миграций, определяемых трудовой занятостью и заключением брака (с. 258—260). Кстати, значение последних факторов, на наш взгляд, явно недооценено.

Сопоставление данных обследований (в ходе которых были устранены неточности, допущенные Г. А. Острогорским и другими учеными, с. 287—288) возрастной структуры, рождаемости и естественного воспроизводства населения свидетельствует о демографическом спаде (с. 291—292). Все же полученные результаты, думается, лишь в определенной степени приближаются к реальной действительности. Особенно значительной может быть погрешность в определении уровня рождаемости. За период между двумя цензами (17—20 лет), если исходить из предположений Лауу-Томадакис (с. 296), женщина могла родить до 7—10 детей, из которых имена двух-трех выживших детей оказывались внесенными в практики.

L. Mavromatis. La fondation de l'Empire serbe. Le kralj Milutin. Θεσσαλονίκη, 1978. 176 p.

Монография Л. Мавроматиса открывается небольшим вступлением, автор которого А. Гийу отмечает, что представляемая им книга дает основания для ответа на многие сложные вопросы, возникающие в ходе изучения сербской истории конца XIII—начала XIV в., и является, по мысли исследователя, вве-

Кроме того, установить размеры ошибки, predetermined значительным изменением состава парического населения монастырских владений, пожалуй, невозможно. Ведь историк не располагает сведениями о родственниках, возрасте и прочих лиц, выбывших и вновь прибывших в феодальное поместье. Вероятно, эти причины способствуют в значительной мере сдвигу возрастной шкалы населения, получаемой по материалам практиков, в сторону групп жителей старшего возраста. Сама же исследовательница допускает крупные поправки в данные о рождаемости и приросте населения даже при условии фактического уменьшения его численности (с. 291—294).

В рецензии невозможно обсудить все проблемы, затронутые в исследовании Лауу-Томадакис. Остаются нерассмотренными нами характеристики общественного положения стратиотов, элевтеров и другие интересные вопросы. Очевидно, могут быть внесены некоторые добавления и уточнения. Скажем, трудно согласиться с использованием определенных терминологических понятий, таких, как «экономика труда» (*economies of labor*), достигаемая, по выражению исследовательницы, в крупных крестьянских хозяйствах (с. 200—202), «сельскохозяйственный капитал» (*agricultural capital*) — термин, примененный по отношению к средствам производства (с. 158).

К положительной стороне рецензируемого труда могут быть отнесены самостоятельность исследовательских поисков автора, введение в научный оборот материалов многочисленной группы документов. Исследование характеризуется их всесторонним анализом. Но иногда новизна и обилие материалов обуславливают эмпиричность сделанных выводов, имеющих характер наблюдений над реальным содержанием источника. В определенной степени это затрудняет обобщение полученных результатов. Например, уровень развития сельского ремесла прослеживается не в главе, содержащей общую характеристику села, как можно было бы ожидать, а в связи с изучением имен крестьян, происшедших от названия профессии и ремесленной специальности, — в главе «Имена» (с. 126). Нередко по этой причине появляются повторные оговорки и замечания. Отсутствие заключения, в котором были бы кратко сформулированы основные итоги исследования, несомненно, препятствуют правильному пониманию научных позиций историка.

Ю. Я. Вив

дением к значительному подготавливаемому им труду по истории сербского общества XIV в.

В хронологическом отношении тему работы охватывают 1282 (приход к власти Стефана Уроша II Милутина) и 1331 гг. (приход к власти Стефана Уроша IV Душана). Объясняя выбор хронологиче-

ских границ, автор пишет, что именно при Милутине отношения между Византией и Сербией выходят на передний план в их взаимных интересах. И в дальнейшем изучение византийско-сербских связей и влияния, которое те оказывали на сербское государство, будет занимать центральное место в его исследовании. С другой стороны, уже во введении (с. 11—13) Мавроматис высказывает несогласие со сложившейся в историографии традицией представлять Милутина в негативном плане и обещает, используя хорошо известные источники, предпринять попытку дать новую интерпретацию его правлению, особенно тем связям, которые он установил с империей. Второй временной рубеж отмечает начало восстановления некогда достигнутых Милутином дружественных отношений, но со временем пришедших в упадок при его преемнике Стефане Дечанском.

Собственно изложение автор расчленил на четыре главы, первая из которых именуется «Взятие власти Милутином» (с. 15—28). Круг затронутых в главе вопросов значительно шире ее названия. Прежде всего исследователь обратился к проблеме перехода власти от Драгутина к Милутину, усматривая в сообщениях основных источников стремление заглушить истинный ход событий. Рассмотрев сведения, приводимые четырьмя авторами — архиепископом Сербии Даниилом II, анонимным западным путешественником, французским доминиканцем Гийомом Адамом, архиепископом Антивари и Георгием Пахимером — Мавроматис приходит к выводу, что следует говорить не столько об отречении Драгутина, вызванном его недугами, сколько о разделении сербского государства. В самом деле, удаление Драгутина на север не означало прекращения его карьеры — ведь он сохранил часть своих прежних владений и, опираясь на них, проводил активную политику, увеличивая свой удел. Практически он достиг создания собственного мощного государства, которое лишь по причине благосклонности к Милутину сербской исторической традиции меньше упоминается в источниках. Ни это, ни ряд последующих положений автора, высказанных в главе, по сути не являются новыми. Они хорошо известны в советской историографии, которая, к примеру, признает, что с отречением Драгутина связан новый этап децентрализации державы Неманичей¹. В поиске причин, приведших к дроблению сербских земель, Мавроматис приходит к необходимости изучить эволюцию, проделанную государством на протяжении XIII в. Он выделяет три основные политические силы, определявшие в борьбе между собой судьбу Сербии: великие владетели, которые завершили ожесточенную борьбу против Византии созданием независимого сербского государства при Стефане Немане, но оказывали сопротивление кралям, пытавшимся установить

сильную центральную власть; автокефальная сербская церковь, организованная св. Савой, быстро развивавшаяся в XIII в. и формировавшая мощный аппарат на службе династии, тем более что значительная часть сербских архиепископов этого периода были членами правящей фамилии; малые владетели, стремившиеся к участию в военной и гражданской администрации — единственной их защите перед лицом алчности крупного дворянства.

Кризис 1282 г. и война между Драгутином и Милутином (1301—1314) выражают, по мнению автора, оппозицию двух влиятельных группировок, интересы которых расходились. Государство Драгутина вело к реализации стремлений великих владетелей, озабоченных поддержкой их автономии в рамках государства. Им противостояли малые владетели, составившие с православной церковью костяк государства и помышлявшие об усилении своей власти. Автор даже пытается предположить в этой связи, что граница между Византией и феодальным Западом проходила через рубеж, разделявший Сербию Милутина и Сербию Драгутина.

«Первые политические выборы Милутина» — так называется вторая глава рецензируемой работы, которая посвящена изучению византийско-сербских отношений в первые годы правления краля (с. 29—53). Осветив кратко события войны 1282—1283 гг., которую повели сербы против империи: первую экспедицию Милутина в район Липляя, взятие многих городов, вторжение до оси Струмица — Серры — Христополь, выход на побережье и к Афону, завершившие в сумме оккупацию Северной Македонии, автор переходит к проектам брака между семьей Палеологов и кралем, посредством которого сербская активность была приостановлена. Однако отнюдь не византийцев призывает Мавроматис инициаторами брачного союза. Вопреки мнению Георгия Пахимера, но опираясь на сведения Феодора Метохита и Никифора Григоры, он полагает, что это решение было принято сербами. Именно Милутин предложил Византии мир на единственном условии — быть принятым в византийском мире не в качестве даника, но в качестве зятя императора. «Для Византии случай был уникальным; после века равнодушия и недоверия коварный народ сербов домогался возобновления дружественных отношений», — считает исследователь (с. 36).

Вслед за этим утверждением автор переходит к детальному анализу событий, сопутствовавших заключению брака, сама идея которого вызвала споры, порожденные каноническими трудностями; ведь это был четвертый брак Милутина. Кроме того, Симонида, будущая его супруга, еще не достигла брачного возраста. При этом исследователь вынужден опираться исключительно на византийские источники, поскольку сербские документы старательно обходят молчанием этот эпизод. Канонические преграды были сломаны изворотливостью византийских юри-

¹ Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 254—255.

стов, объявивших брак Милутина с Елизаветой незаконным по причине неоформленного развода с Еленой Ангел. Сопротивление патриарха Иоанна XII Козмы не носило принципиального характера, и это дало возможность начать переговоры, ход которых Мавроматис восстанавливает по сочинению Феодора Метохита *Προσβεστικὸς*, составленному им в период пребывания при сербском дворе, где он возглавлял в 1299 г. византийское посольство. Представленные Метохитом условия первоначально вызвали длительные споры, но тем не менее в измененном виде были приняты. *Προσβεστικὸς* показывает, что проект брака вызвал серьезную оппозицию внутри Сербии и за ее пределами. Великие владыки, которым договор сулил сокращение поступлений военной добычи, в союзе с византийскими перебежчиками пытались заставить Милутина отказаться от замысла. С другой стороны, посольство болгарской царевны, вдовы царя Смилыча, и посольство фессалийских братьев — Константина и Феодора Ангелов выдвигали свои предложения. Король, однако, остался непоколебимым, так как, по мнению исследователя, усиление престижа внутри страны путем породнения с Палеологами было для него важнее экспансионистских замыслов. Мавроматис ставит акцент именно на этом аспекте брака, однако, на наш взгляд, не менее важны и другие. Ведь тот же брачный союз был средством юридического закрепления за сербами оккупированных районов Северной Македонии (Милутин получал их в приданое), а также, вероятно, это был еще один шаг в затеянной кралем подготовке провозглашения Сербского царства².

Кратко автор освещает события, следовавшие за переговорами: обмен заложниками, свадьба Милутина с Симоной, праздник в Фессалонике. Непосредственным следствием брака он признает войну, начатую Драгутином против брата в 1300/1301 г.

Третья глава монографии (с. 54—71) посвящена внешней политике Милутина, служившей, по мнению исследователя, стремлению обеспечить постоянство его династии и наследников на троне Неманичей, основанном на принципе сильной центральной власти, опиравшейся на элементы процветания и даже существование которых зависело от нее. Под этим углом рассматривает автор политические повороты, происшедшие после установления византийско-сербского союза 1299 г. Именно два фактора усложняли в этот период отношения Сербии с Западом и Византией: проект Карла Валуа реставрировать Латинскую империю и присутствие императрицы Ирины, супруги Андроника II, в Фессалонике. Как известно, 27 марта 1308 г. Милутин заключил договор с Карлом Валуа. Однако Мавроматис считает, что король совсем не желал утверждения последнего в Константинополе. Опасность союза Карла и Драгутина была более значимой. Новый альянс

к тому же, как утверждает автор, несколько не тревожил Византию. Мавроматис совершенно отказывается видеть в этот момент поворот к худшему в сербо-византийских отношениях. Он отрицает основанное на сообщении Фомы Магистра мнение о военных действиях между сербами и византийцами, полагая, что бои происходили между византийскими гарнизонами и отрядом турок, некогда служившим сербам. Раскрывая суть отношений императрицы Ирины и Милутина, он также последовательно отвергает наличие со стороны последнего стремления к участию в интриге против Андроника II.

Одним из факторов, прочно удерживавших краля в сфере византийского влияния, автор признает сербскую православную церковь, игравшую величайшую роль в государстве. Милутин не только раздавал привилегии церковным учреждениям, но вел широкое строительство монастырей и храмов. Он осыпал благодарениями Хиландарь, и этот монастырь, удаленный от сербских земель, выступал, как считает исследователь, центром сербского православия. Завершает главу еще один аргумент в пользу положения Мавроматиса о том, что Милутин не менял своей ориентации — в 1312 г., находясь в состоянии войны с Драгутином, король нашел возможность послать на помощь Андронику II 2000 всадников-куман.

В четвертой главе — «Последние годы сербского королевства» (с. 72—84) — рассматривается правление наследника Милутина — Стефана Уроша III Дечанского. Деятельность нового краля исследователь подает в негативном плане. В день своего воцарения Стефан Дечанский возвел на трон и своего сына Стефана Уроша IV Душана. Эта двойная коронация, по мнению Мавроматиса, означает перелом в эволюции сербской царской власти. Государство вернулось к ситуации, господствовавшей с 1276 по 1316 г., когда несколько кралей удерживали свою власть в Сербии. Усилие Милутина, направленное на установление сильной и единой власти, потерпело неудачу. Та же участь постигла и установленные в период его правления византийско-сербские связи, которые были разорваны Стефаном Дечанским. Исследователь объясняет это преобладающим влиянием знати в управлении государством. Ослабление власти краля в Сербии он прослеживает на примере процесса принятия решения Милутином и Стефаном Дечанским. Оказывается, что первый из них был в значительной степени независим, а роль второго сводилась исключительно к одобрению решений совета знати. Последние страницы главы посвящены изучению отношений между Стефаном Дечанским и Стефаном Душаном, особенно после битвы при Велбужде 28 июля 1330 г. Воссоздав обстоятельства захвата Душаном власти, автор отмечает, что во время правления последнего после непродолжительного периода военных действий между Византией и Сербией устанавливается мир и со временем отношения между государствами приобретают

² Наумов Е. П. Указ. соч., с. 263.

то значение, какое они имели при Милутине.

Заключение (с. 85—86) исследователь по традиции посвятил краткому изложению достигнутых результатов. Он полагает, что разделение Сербии на два государства (Милутина и Драгутина) означало новый этап в медленной эволюции общества, которое ориентировалось на Византию, представлявшую для него весьма близкую модель. Касаясь Милутина, автор заключает, что его политика в отношении Византии во многом носила личный характер: семейные связи между краем и василевсом были прерваны смертью Милутина и связи сербов с империей разрушились. Но в то же время политика Милутина выражала некоторое соотношение сил между различными фракциями сербской знати. В момент противостояния двух сербских государств Византия была средством выразить и заставить возобладать политику краля против амбиций знати. Доминирующую роль в государстве того времени автор отводит византизированной сербской церкви — проводнику влияния империи.

Завершает монографию публикация трех источников: сочинения Феодора Метохита *Πρεσβυτικὸς* (с. 89—119; с. 137—176 — фотокопия рукописи Vind. Phil. gr. 95, л. 158v—179), договора между Карлом Валуа и Милутином (с. 123—131), документа, ратифицирующего этот договор (с. 133—136).

Публикация труда Феодора Метохита Мавроматисом имеет большое значение. Этот источник не только дает возможность составить представление о том, как образованный византиец воспринимал соседние народы, но также рисует ситуацию внутри Сербии и подробно излагает ход посольства. Так, Метохит пишет, что путь его из столицы лежал сначала в Фессалонику (с. 96.264—270), затем ко

двору Милутина, видимо, в Скопье, где послам был оказан пышный прием. Внимание к византийцам выразилось, например, в роскошной обстановке, в которой жили посланники, в постоянной заботе об их питании: Метохит сообщает, что с наступлением поста мясная пища немедленно была заменена рыбой и плодами (с. 104.552—562). Обсуждение условий императора было поручено группе знатных сербов во главе с Георгием (с. 106.612—615). Когда достигнутое соглашение было послано в Константинополь на утверждение императора и ответ задержался, Метохит вынужден был решительно выступить против поднявшегося недовольства (с. 115.936—942) и даже предложить себя самого в залог благих намерений Андроника II (с. 115.947—950). Интересные сведения приводятся в отношении приемов дипломатической борьбы — посольства болгар и фессалийцев, ослабляя позицию Метохита, усиленно распускали слух, что татары захватывают Фракию, а дела империи на востоке плохи (с. 118.1030—1031).

В целом работа Л. Мавроматиса написана в традиционной для зарубежных исследователей манере. С большой любовью он детально воссоздает тонкие повороты политических событий, но взгляд его проходит мимо глубоких социально-экономических проблем общества. Концентрируя внимание на кралях и властелях, автор обошел стороной судьбу сербского города и сословия горожан, стоявших, кстати, на стороне Милутина. Экономический подъем в Сербии, эволюция жупной системы — также в числе обойденных вопросов, отсутствие которых в книге в значительной степени обедняет ее содержание и снижает значимость сделанных выводов.

Н. Д. Барабанов

Новое исследование по истории османского владычества на Балканах в XIV—XVI вв.

[Б. А. Цветкова. Паметна битка на народите. (Европейският югоизток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в.) Варна, 1979. 353 с.]

Обширная историография, посвященная истории Османской империи и народов Балканского полуострова, находившихся под ее властью, за последние годы пополнилась рядом обобщающих трудов и монографий¹, сборников докладов различных симпозиумов и конференций², важных публикаций и переводов истори-

ческих источников³, работ по отдельным локальным проблемам истории балканских стран под османским игом⁴.

¹ См., например: *Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen (1300—1481)*. 3. Aufl. B., 1978; *Werner E., Markov W. Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart*. B., 1978, Ср.: *Hammer J. Historija Turskog (Osmanskog) carstva*. Zagreb, 1979. T. 1—3.

² См., например: *Osmanska moc ve středni a jiho-východni Evropě ú 16.—17. století*. Praha, 1977. Sv. I, II. (ср. рец.: Сов. славяноведение, 1980, № 4).

³ См., например: *Записки янычара/ Введ.*, пер. и коммент. А. И. Рогова. М.: Наука, 1979; *Тодорова М.* Подбрани извори за историята на балканските народи (XV—XIX век). София, 1977; *Турски извори за българската история*. София, 1977. Т. VI; *Турски документи за историята на македонскиот народ*, т. IV. Опширен пописен дефтер од XV век/Пер., ред. и коммент. А. Стојановски. Скопје, 1978; *Йонов М.* Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV—XVI вв. София, 1979; и др.

⁴ См., например: *Грозданова Е.* Българската селска община през XV—XVIII век. София, 1979; *Матковски А.* Крепосништвото во Македонија во